

Характер верховной власти у венгров IX века

Михаил Константинович Юрасов

«Мир истории» 02.2012

Появившиеся не позднее начала IX в. на северных и западных границах Хазарского каганата венгры заметно отставали от хазар в своём политическом развитии. Для них ещё было характерно отсутствие племенного союза как сложившейся устойчивой политической организации во главе с постоянным верховным вождём и зачатками административного аппарата при нём. Каждое из семи венгерских племён в то время ещё действовало самостоятельно[1], что соответствует (согласно классификации, принятой в современной западной социоантропологии) уровню простого вождества, или (выражаясь языком марксистской исторической науки) начальному этапу эпохи «военной демократии».

Воспользовавшись дестабилизацией внутривосточного положения в Хазарии, возможно, вызванной непринятием основной массой рядовых хазар иудейской религии, венгры поначалу чувствовали себя хозяевами степной полосы между Доном и Нижним Дунаем, о чём свидетельствует их активное участие в болгаро-византийской войне 836 — 838 гг.[2], а, возможно, и раньше — в событиях 811 г. — в качестве одного из «нанятых за плату народов», с помощью которых болгарский хан Крум (802 — 814) разгромил 26 июля 811 г. византийское войско во главе с императором Никифором I (802 — 811)[3]. В таких условиях у мадьяр не было необходимости в межплеменной консолидации. Однако уже в середине IX в., с появлением печенегов в степях Восточной Европы[4], происходит сближение венгров и хазар перед лицом печенежской опасности, а также отчётливо проявляется тенденция к сплочению венгерских племён в единый союз всех мадьяр (в венгерских средневековых исторических преданиях он фигурирует под названием *Hetumoger*)[5], к которому присоединились три отпавшие от кагана хазарских племени, названные у Константина Багрянородного каварами (*Καβάροι*)[6].

Таким образом, не лишено оснований предположение, что первый венгерско-печенежский военный конфликт способствовал консолидации семи венгерских и трёх каварских племён в межплеменное объединение, хотя вряд ли оно достигло в середине IX в. уровня развития потестарных структур, соответствующего понятию сложное вождество. С другой стороны, появившиеся в степях Восточной Европы и претендовавшие на роль независимой политической силы печенеги не могли не стать врагами Хазарии, что способствовало сближению венгров и каваров с хазарами, возвращению этих некогда отпавших племенных

групп под власть кагана и шада. Если у древних венгров существовал дуализм верховной власти, то возник он сразу в готовом виде и был скопирован у Хазарии, но в любом случае система верховной власти у древних венгров и хазар, как показано ниже, заметно отличалась.

Наличие двух правителей вместо одного не являлось редкостью для раннеклассовых обществ различных регионов Земного шара. Подобная форма организации власти могла возникнуть как в глубокой древности для прекращения длительной вражды между двумя равными по политической силе главами родов, так и позднее, путём постепенной трансформации монархии в дуалистическую форму правления, когда один из ближайших советников верховного правителя настолько усиливался, что превращал монарха в послушную марионетку и исключительно в символ нации, сосредотачивая в своих руках всю полноту фактической власти. Классический тому пример — двухвековое господство в Японии военных министров (сёгунов) из рода Токугава (1602 — 1867).

Что касается древних венгров, которые на протяжении IX в. постепенно продвигались из Поволжья в западном направлении и, в конце концов, вынуждены были переселиться на Средний Дунай, то, по мнению Кароя Цегледи, они переняли у хазар дуалистическую форму организации верховной власти[7]. Сами же хазары, по всей видимости, во время возникновения и становления Хазарского каганата (сер. VII — VIII в.) имели монархическую форму правления. По крайней мере, в Западно-Тюркютском каганате, одним из осколков которого была Хазария, института двойной верховной власти не существовало[8].

По мнению М.И. Артамонова, появление в Хазарии второго, ставшего фактически первым, правителя могло быть связано с результатами деятельности Булана — одного из военных вождей (беков), ок. 730/1 г. захватившего Ардебиль. Этот центр тогдашних арабских владений в Азербайджане, предполагает Артамонов, и есть упоминаемый хазарским царём X в. Иосифом в переписке с испанским евреем Хасдаем ибн Шафрутом Ар-д-вил, после опустошения которого Булан «соорудил шатёр, ковчег, светильник, стол, жертвенник и священные сосуды»[9]. Будучи первым из хазарских князей, принявшим иудаизм, Булан мог стать свидетелем сокрушительного поражения каганского войска от арабской армии Мервана ибн Мухаммеда в 737 г. и последовавшего вслед за этим неизбежного падения авторитета власти кагана. Согласно гипотезе Артамонова, это могло стать отправной точкой в процессе постепенного возвышения власти беков из рода Булана, один из потомков которого, Обадия, в начале IX в. становится фактически первым правителем государства, оттеснив кагана на второй план, и провозглашает иудаизм государственной религией Хазарии[10].

Установление в Хазарии дуалистической формы правления вместо привычной смены правящей династии путём переворота, по всей видимости, было связано с

сакральным характером власти кагана. Об этом, в частности, свидетельствуют мусульманские географы и историки раннего Средневековья, а относительно тюркютских каганов — и известия китайских хронистов[11].

Подобная сакрализация верховной власти, как было убедительно доказано в многочисленных докладах римского конгресса 1955 г., организованного Международным обществом истории религии, имела место не только в мире степняков-кочевников Евразийского континента, но и у далеко отстоящих от них племен Экваториальной Африки. При этом, исследователями выделены некоторые общие черты, характерные для степных и африканских народностей, которые никак нельзя объяснить влиянием одних раннеклассовых обществ на другие, поскольку отсутствовали непосредственные контакты между ними. Единственной причиной сходства здесь может быть одинаковый характер социально-политических отношений, предопределивший похожее отношение к личности верховного правителя.

Так, у кочевников-тюрков раннего Средневековья и африканских народностей эпохи складывания государства существовала целая система различных табу, превращавшая сакрального правителя в частично или полностью изолированное от основной массы населения полубожество. В случае обрушивания на подданных сакрального правителя страшных бедствий он становился главным виновником происшедшего и подлежал ритуальному умерщвлению.

Относительно хазарского кагана существовали следующие предписания-запреты. Прежде всего, каган постоянно находился во дворце, в гареме, о чём сообщают Мас'уди, ал-Истахри и Ибн Фадлан[12]. Никто не имел права видеть кагана. Когда он раз в год на четыре месяца покидал дворец и ехал на коне на одну милю впереди своей свиты, каждый, кто попадался ему на пути, должен был пасть лицом на землю (Ибн Фадлан)[13]. Хазарский каган нес личную ответственность за количество атмосферных осадков, а также за исход военной кампании. В случае отрицательных результатов для его подданных — кагана убивали (Мас'уди)[14], точнее — приносили в жертву.

Продолжительность правления хазарского кагана определялась заранее, по свидетельству Ибн Фадлана, в сорок лет[15]. Другие сведения сообщает об этом ал-Истахри, по свидетельству которого, во время легитимации власти очередного кагана ему накидывали на шею шёлковую верёвку и начинали душить. «Когда он уже близок к тому, чтобы испустить дух, говорят ему: "Как долго желаешь царствовать?". Он отвечает: "Столько-то и столько-то". Если он раньше умрёт — его счастье, если нет, то его убивают по достижении назначенного числа лет царствования»[16]. Схожий ритуал существовал и у африканского племени сегуских бамбаров, когда вступающий на престол сакральный правитель должен был находиться у власти столько лет, сколько листьев баобаба он удержал в руках

в полузадушенном состоянии[17].

Исследователи спорят по поводу значения свидетельства Константина Багрянородного о том, что венгры «жили вместе с хазарами в течение трёх лет, воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах»[18], так как считают, что приводимое информатором просвещённого императора число лет совместного проживания венгров и хазар ошибочное: на самом же деле речь здесь должна идти о десятилетиях и даже столетиях[19], хотя для заимствования формы организации власти вполне могло хватить и примера, наблюдаемого в течение трёх лет. Так или иначе, но источники не дают оснований для предположения о заимствовании мадьярами у хазар дуализма верховной власти с сакральным государем.

Характерно, что император Константин рисует яркую и правдоподобную картину постепенного осознания мадьярами необходимости более тесной консолидации венгерских и каварских племён в протогосударственное объединение. Сложность и противоречивость этого процесса показана в описании деятельности двух венгерских вождей второй половины IX в. — Леведи и Арпада.

С именем Леведи, которого император называет Леведией, связан один из эпизодов мадыро-печенежского противостояния в степях Восточной Европы. Если прав К.Цегледи, первая война между названными степными этносами, закончившаяся сокрушительным поражением венгров от печенегов, произошла около 854/5 г. По свидетельству Константина Багрянородного, удар для венгров был настолько чувствительным, что часть их мигрировала в сторону Персии (в Закавказье)[20]. Оставшиеся в Северном Причерноморье венгры и примкнувшие к ним кавары должны были тесно сплотиться ради сохранения своего этноса. В таких крайне сложных условиях проходила деятельность Леведи, ставшего первым фактическим главой венгерско-каварского межплеменного объединения.

После поражения от кангаров-печенегов, согласно Константину Багрянородному, «турки» (так он называет венгров) три года жили близ Хазарии «в местности, называвшейся Леведия — по прозвищу главного воеводы. Этот воевода прозывался личным именем Леведия, а по названию достоинства его именовали воеводой (βοῒβωδος), как и прочих после него»[21]. Венгерские исследователи отмечают как беспрецедентный тот факт, что некая местность получила своё название от имени верховного вождя. Это не было характерно для степного мира Евразии[22]. Тем не менее, исключительность подобного факта, по моему мнению, является ярким свидетельством той роли, которую сыграл Леведи в предыстории венгерского народа. Легендарная местность стала тем надёжным убежищем, где разбитые остатки венгров и каваров могли бы преодолеть страх перед печенежскими ордами, залечить раны и вернуть боевую мощь своему кочевому воинству.

Как сообщает император Константин, «Хаган, архонт Хазарии, благодаря мужеству турок (= венгров) и их воинской помощи, дал в жёны первому воеводе турок, называемому Леведией, благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него. Но этот Леведия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой» [23]. Как видно из процитированного отрывка, первое поражение от печенегов заставило мадьяр искать покровительство у преодолевшей внутреннюю анархию и вновь окрепшей Хазарии. В течение трёх лет Леведия и подвластные ему племенные группы вынуждены были верно служить кагану, воюя с его врагами. Безусловно, главную опасность для Хазарии в то время представляли печенеги, поскольку верховная власть кагана распространялась на всё Среднее Поволжье, вплоть до Волжской Булгарии, и появление здесь печенегов не могло не нанести ущерб системе взаимоотношений Хазарии с признававшими её гегемонию степными этносами.

На основании данных Бертинских анналов, по крайней мере, в 862 г., мадьяры уже ведут вполне самостоятельную внешнюю политику, участвуя — как наёмники — в борьбе правителя пограничной области Восточно-франкского королевства (Восточной марки) Карломана против отца — короля Людовика II Немецкого (840 — 876) [24]. Стремление венгров к независимости побуждает хазар привязать их к себе сначала с помощью брака Леведи со знатной хазаркой, а затем — путём официальной легитимации власти верховного правителя союза венгерских и каварских племён, осуществлённой хазарскими послами по хазарскому ритуалу. Об этом повествует император Константин в той же главе 38 трактата «Об управлении империей» [25].

Характерно, что Леведи вежливо отказался от предложенной ему хазарской чести, мотивируя это своей неспособностью «к такой власти». Причинами подобного отказа мне видятся, во-первых, стремление Леведи, заявившего ок. 862 г. о независимости от хазар, быть верным этой линии до конца, а, во-вторых, провозглашение Арпада верховным вождем венгров произошло, по всей видимости, уже после второго поражения мадьяр от печенегов, т. е. после 889 г., когда Леведи, будучи в достаточно преклонном возрасте, решил снять с себя бремя власти. Более молодому Арпаду было легче пойти на церемонию принятия знаков верховной власти от хазарских послов, поскольку перед ним стояла ещё задача утвердить себя выше других вождей племён. Более молодой и решительный Арпад вряд ли рассматривал акт легитимации своей власти как признание венграми обязательной вассальной службы хазарскому кагану, о чём свидетельствуют последующие события.

Таким образом, в годы правления Леведи у венгров не существовал дуализм верховной власти, так как сам Леведи, несмотря на все свои исключительные заслуги, оставался лишь «воеводой». Скорее всего, он был признан остальными вождями «первым среди равных», да и то, как это было принято в варварских

обществах уровня простого вожества, только на период тяжёлых обстоятельств и совместных военных походов. Возможно, что и само второе поражение мадьяр от печенегов в 889 г. было вызвано недооценкой вождями отдельных племён значения верховной власти постаревшего Леведи как консолидирующего элемента, залога сохранения военного могущества всего межплеменного объединения.

Надо заметить, что во всех свидетельствах о военных отрядах венгров IX — X вв. речь идёт о единичных предводителях. Иногда их называют западные и славянский автор «королями» [26]. В качестве единоличного предводителя военного формирования мадьяр Курсан (под именем Кушала) фигурирует в сведениях западных авторов о его убийстве баварами в 904 г. [27], хотя именно его сторонники концепции дуализма верховной власти у древних венгров считают соправителем верховного вождя Арпада.

Известные к настоящему времени источники не позволяют категорически утверждать о существовании у мадьяр в течение длительного времени дуализма верховной власти, при котором номинальным правителем являлся обожествляемый правитель (сакральный государь). Во всяком случае, можно категорически отрицать наличие у них такой же, как у хазар, формы властвования. Тем не менее, нельзя полностью отрицать возможность соправительства двух верховных вождей в Венгерском союзе племён на рубеже IX — X вв.

Так, К.Цегледи обратил внимание на то, что во время переселения венгров на Средний Дунай «имя Арпада полностью неизвестно иностранной хронистике» [28]. Кроме того, Продолжатель Георгия Амартола, описывая события болгаро-византийской войны 894 — 896 гг., называет двух правителей мадьяр — Арпада и Курсана, с которыми заключил договор о военном союзе против болгар византийский полководец Никита Скляр [29]. Поскольку Арпад, как свидетельствует Константин Багрянородный, был легитимирован в качестве верховного вождя объединения венгерских и каварских племён, а Курсан выступает у Продолжателя Георгия Амартола в качестве одного из двух лидеров этого кочевого союза, возникает вопрос о том, почему Никита Скляр не заключил договор с одним Арпадом. Это невольно наталкивает на мысль о существовании в рассматриваемом политическом объединении дуализма верховной власти.

Современные венгерские исследователи датируют деятельность Курсана 892 — 904 гг. [30], и, скорее всего, ситуация, сложившаяся именно в это время в Венгерском союзе племён, описана в известной компиляции арабского географа второй половины IX — начала X в. Ибн Русте «Книга драгоценных ожерелий». Он, в частности, сообщает: «Мадьяры — это тюркское племя. Глава их выступает в поход с 20 000 всадников и называется кенде. Это титул царя их, потому что собственное имя человека, который царём у них, — Джыла. Все мадьяры повинуются приказаниям, которые даёт им глава их, по имени Джыла, прикажет ли

он им на врага идти, или врагов отражать, или что другое[31].

С подобным толкованием Д.А.Хвольсоном текста Ибн Русты не согласен Б.Н.Заходер. Опираясь на параллельные тексты, прежде всего, на отрывок из сочинения Гардизи (сер. XI в.)[32], Заходер говорит о двух правителях мадьяр. «В отличие от дж.ле, титулом к.н.де называется больший, главный царь. <...> Таким образом, в вариантах темы у Ибн Русты и Гардизи мы видим констатацию той же двойственности верховной власти, которая характерна для хазарской государственной структуры»[33]. Утверждение Заходера представляется слишком прямолинейным, поскольку ему противоречат рассмотренные выше свидетельства источников.

Венгерскими исследователями проведен тщательный этимологический анализ титулов кенде и джыла. Они, в частности, обращают внимание на то, что, по свидетельству Ибн Фадлана[34], третьим высшим титулом в Хазарии, после кагана и бека, был к.н.д.р. По мнению К.Цегледи, сходство в написании арабских букв, передающих звуки k и w, позволяет предположить исходное написание этого титула в латинской передаче k.n.d.w, что почти совпадает с упоминаемым в «Деяниях венгров» Анонима (магистра П.) Cundu («кюндю»)[35], который был одним из венгерских вождей эпохи обретения родины.

У тюрков в эпоху великих каганатов титул кюндю/кюндя соответствовал князю или вождю. В описаниях событий истории различных тюркских народов раннего Средневековья встречаются и уменьшительные формы этого титула — кюндяджик или кюндячик[36]. Возможно, так называли наследника престола, молодого князя[37]. Само по себе слово кюндя/кюндю произошло от тюркского «кюн» ('солнце'). Это вполне могло соответствовать сакральному характеру власти верховного правителя венгров. В венгерском языке этимологию слова kende можно вывести из kék kend («голубая высь»), что также указывает на космическое, небесное происхождение верховной власти. У восточных тюрков каган считался сыном Неба, сила хазарского кагана также имела космическое происхождение[38].

Венгерский кенде был также связан с похожим восточно-тюркским культом божественного Кузнеца. Подобные почитания профессий были широко распространены в Древности. Достаточно вспомнить пантеон древних хеттов или небесного кузнеца Илмаринена из знаменитой «Калевалы». «Небо, Солнце и культ Кузнеца — мифические символы, составные части мифа о небесном происхождении верховной княжеской власти. Венгерский великокняжеский титул под хазарским влиянием связан более ранними нитями с тюркской политической системой. Венгерский кюндю/кюндя принадлежал к собственной системе, возможно, в этом находит объяснение то, что в качестве венгерского географического названия кенде близко соотносится с географическими названиями, происходящими от названий племён»[39].

Титул джыла Константин Багрянородный передает как «гила» (γυλάς), что соответствует венгерскому дюла. Он, в частности, пишет: «Первым главою они имеют архонта из рода Арпада — последовательно, и двух, гилу и карху (καρχάς), которые имеют ранг судьи. Каждый род имеет архонта. Должно знать, что гила и карха суть не собственные имена, а достоинства»[40]. Как видно из этого описания, в середине X в., когда создавался трактат «Об управлении империей», у венгров уже существовало единовластие, а джыла/дюла наряду с кархой (венг. хорка) стали высшими представителями судебной власти союза племён.

Относительно происхождения названия дюла существует точка зрения, что оно происходит от названия знатного болгарского рода Дуло, 12 представителей которого, согласно Списку болгарских князей, были правителями болгар вплоть до второй половины VIII в. Однако, по мнению Антала Барты, фигурирующее в Списке название рода скорее относится к аланскому роду Дуло. Возможно, это имя сохранило память о мадьяро-аланских связях[41].

Венгерские историки, принимающие концепцию о дуализме верховной власти у их далёких предков, уже давно высказывали мысль о том, что Курсан (Кусан) вплоть до своей смерти был соправителем Арпада, и его роль на раннем этапе процесса освоения венграми и примкнувшими к ним этническими группами Среднего Подунавья могла быть и более значимой, чем у Арпада. То, что о деятельности и роли Курсана историческая память средневековой венгерской народности не сохранила никаких сведений, объясняется, прежде всего, его скорой гибелью и, скорее всего, отсутствием наследников мужского пола. По свидетельству Швабских анналов, в 904 г. бавары убили венгерского вождя Хуса (Кусаля) (в котором исследователи традиционно видят соправителя Арпада Курсана), пригласив на пир венгров в пограничном районе у р. Фиша и предательски перебив многих мадьяр во главе с их вождём[42]. После этого исчезают даже намёки на двоевластие у мадьяр в исторических сочинениях. Так что, уже последние три года правления Арпада (904 — 907), безусловно, были временем его единовластия.

Современная венгерская историческая наука не может дать однозначного ответа на вопрос о том, существовал ли у венгров в IX в. дуализм верховной власти. В новейших трудах обобщающего характера эта проблема остаётся на уровне незаконченной дискуссии[43]. Поскольку практически все исследователи отрицают сакральный характер верховной власти у венгров в период проживания их на территории, где признавалась гегемония Хазарии, мне представляется более вероятным создание древними венграми собственной, отличающейся от хазарской системы управления межплеменным объединением, в которой вполне могли присутствовать заимствованные у хазар элементы организации власти. В отличие от Хазарии, которая, пережив гражданскую войну, пришла в IX в. к внутренней консолидации, скреплённой иудаизмом в качестве государственной религии,

объединение семи венгерских и трёх каварских племён было ещё слишком рыхлым для того, чтобы его глава рассматривался всеми в качестве сакрального правителя.

Примечания

[1] Об этом косвенно свидетельствует Константин Багрянородный в гл. 38 трактата «Об управлении империей», где сообщает о том, что до избрания Арпада у «турок» (= венгров) «не было другого архонта» (Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, пер., комм. Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991. С. 160 (текст), 161 (пер.).

[2] Об участии венгров в этих событиях свидетельствует хроника Продолжателя Георгия Монаха. См.: Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon magister, Georgius monachus / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1838. P. 818.

[3] Király Péter. A magyarok említése a 811. évi események óbolgár leírásában // Magyar Nyelv. 1976. 136 — 148, 257 — 268, 408 — 422. 1.

[4] В отечественной историографии господствует точка зрения, согласно которой печенеги появились в степях Восточной Европы не ранее конца IX в. (Список важнейших работ, авторы которых придерживаются данной датировки, см.: Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 279, примеч. 1). Однако венгерские историки, начиная с Йожефа Тури (1861 — 1906), приводили различные аргументы в пользу того, что печенеги мигрировали в степные области к западу от Волги несколькими десятилетиями ранее (подробнее об этом см.: Юрасов М.К. Венгры в степях Восточной Европы (IX в.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 113 — 120). Мне представляется наиболее близкой к истине точка зрения венгерского востоковеда Кароя Цегледи (1914 — 1996), датирующего первый военный конфликт между венграми и печенегами ок. 854/855 г. (Czeglédy Károly. Árpád és Kurszán (Az Árpád-ház megalapításához) // Zalai Tükör. 1975. 11. sz. 52. l.). Хотя мнение К.Цегледи разделяется не всеми современными венгерским исследованиями, его датировка приводится в некоторых обобщающих трудах, вышедших в конце XX в. (Kristó Gyula. Levedi törzsszövetségétől Szent István államáig. Budapest (далее: Вр.), 1980. 109 — 110. l.; Magyarország történeti kronológiája. Főszerk. K. Benda. I. A kezdetektől 1526-ig. 3. kiad. Вр., 1986. 65. l.). Из отечественных историков точку зрения К.Цегледи разделял В.П.Шушарин (Краткая история Венгрии. Отв. ред. Т.М.Исламов. М., 1991. С. 14).

[5] Союз «семи мадьяр» (Hetumoger) неоднократно упоминает в рыцарском романе «Деяния венгров» (Gesta Hungarorum) неизвестный нотариус венгерского короля

Белы III (1172 — 1196), написавший своё сочинение на рубеже XII — XIII вв. (см.: P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum / Ed. E. Jakubovich // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Agradianae gestarum (далее: SRH). Vol. I. P. 33, 37, 39, 41, 47, 50, 78, 94). То, что собственно венгерских племен, переселившихся на рубеже IX — X вв. из степей Северного Причерноморья на Средний Дунай, было именно семь, подтверждает Константин Багрянородный, причём лишь у него приведены названия каждого племени (Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 162/163.

[6] Там же.

[7] Czeglégy Károly. A szakrális királyság a steppei népeknél (a kazároknál és magyaroknál) // Magyar Nyelv. LXX (1974). 11 — 17. l.

[8] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 53, 56 — 59.

[9] Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 269 — 270.

[10] Там же. С. 276 — 280.

[11] Сводку данных см.: Czeglégy K. A szakrális királyság... 13. l.

[12] Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. М., 1962. С. 214 — 215.

[13] Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 — 922 гг. Харьков, 1956. С. 146 — 147.

[14] Заходер Б. Н. Указ. соч. Т. I. С. 218.

[15] Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 146.

[16] Ал-Истахри. Тифлис, 1901. С. 51.

[17] Monteil Ch. Les Vambara de Ségou et du Kaarta. Paris, 1924. P. 305.

[18] Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 158/159.

[19] Обзор мнений см.: Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 392, примеч. 7. Не разделяю все эти точки зрения и присоединяюсь к мнению Дюлы Кришто, считающего, что венгры проживали совместно с хазарами и участвовали во всех их войнах три года, а именно в 858 — 861 гг. См.: Kristó Gyula. Levedi törzsszövetségétől Szent István államáig. Bp., 1980. 91 — 94. l.

[20] Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 158/159. Автор трактата «Об управлении империей», чтобы подчеркнуть давность первого военного конфликта между венграми и печенегами, сообщает о том, что мадьяры назывались тогда савартами-асфалами (Σάβαρτοι Ἄσφαλοι), а печенеги – кангарами (Κάγγαρ).

[21] Там же.

[22] Györffy György. Levedia és Etelköz kérdéséhez // Magyar Nyelv. 80 (1984). 386. 1.

[23] Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 158/159.

[24] Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte / Neu bearb. von R. Rau. Darmstadt, 1958. Teil 2. P. 114.

[25] Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 158/159.

[26] Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 380, № 90.

[27] Перечень источников см.: Györffy Gy. Tanulmányok a magyar állam eredetéről. Bp., 1959. 163. 1.

[28] Czeglédy Károly. Árpád és Kurszán... 57. 1.

[29] Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon magister, Georgius monachus. Op. cit. P. 854. Новейшее научное издание греческого текста с венгерским переводом см.: Az Árpád-kori magyar történet bizánci forrásai. Összegyűjtötte, fordította, bevezetéssel és jegyzetekkel ellátta Moravcsik Gyula. Budapest, 1984. 59. 1.

[30] Tóth Sandor László. Kurszán // Korai magyar történeti lexikon (9 —14. század). Főszerk. Kristo Gy. Budapest, 1994. 386. 1.

[31] Известия о Хозарах, Буртасах, Булгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омана ибн Дафта... по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Хвольсон Д.А. СПб., 1869. С. 27.

[32] Бартольд В.В. Извлечения из сочинения Гардизи «Зайх ал-Ахбар» // Сочинения. Т. VIII. М., 1973. С. 58.

[33] Заходер Б.Н. Указ. соч. Т. II (Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне). М., 1967. С. 49.

[34] Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 146.

[35] P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum // SRH. Vol. I. P. 41.

[36] Czeglégy K. A szakrális királyság... 16 — 17. l.

[37] Bartha Antal. A magyar nép őstörténete // Magyarország története 10 kötetben. I. k. Előzmények és magyar történet 1242-ig. Főszerk. Székely Gy. 2. kiad. Budapest, 1987. 529. l.

[38]

[39] Ibid. 530. l.

[40] Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 166/167.

[41] Bartha A. Op. cit. 530. l.

[42] Annales Alamannici / Ed. G. H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. I. Hannoverae, 1826. P. 54.

[43] Kristó Gyula–Makk Ferenc. A kilencedik és a tizedik század története. Bp., 2001. 60 — 62. l.; Tóth Sándor László. A honfoglalástól az államalapításig. A magyarság története a X. században. Szeged, 2010. 166 — 168. l.